

18+

Андрей Ветер

ОСЕННИЕ ВЕТРЫ

A person with long dark hair, wearing a brown poncho, is riding a horse away from the viewer on a muddy path. The horse has a dark tail and is carrying a rifle on its back. The path is surrounded by trees with vibrant autumn foliage in shades of yellow, orange, and red. The background shows a misty mountain range. The overall atmosphere is somber and evocative.

Андрей Ветер

Осенние ветры

<https://litres.ru/74465412>

ISBN 9785007122856

Аннотация

Это история о том, как племя Проткнутых Носов, возглавляемое вождём Джозефом, покинуло резервацию, чтобы обрести свободу.

Повесть ранее публиковалась в сборнике «Скалистые горы»

Содержание

Осенние ветры	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Осенние ветры

Андрей Юрьевич Ветер

Иллюстратор Андрей Ветер

© Андрей Юрьевич Ветер, 2026

© Андрей Ветер, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-2285-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Осенние ветры

*«Кто никогда
не ел свой хлеб в печали,
Кто никогда не проводил
полуночных часов
В слезах, ожидая завтрашний день,
Тот вас не знает, небесные силы».*

Gëte

Мне бесконечно одиноко, бесконечно грустно, когда я вспоминаю о событиях, в буквальном смысле поглотивших меня летом 1877 года и удерживающих мою память по настоящее время, несмотря на благополучное для меня завершение. Мне до сих пор кажется невероятным, что клинки и копья не превратили моё тело в окровавленную грудку мяса, что я волен свободно дышать и передвигаться, а люди, которые могли уничтожить меня, но по неведомой мне причине сохранили мою ничем не примечательную жизнь, все почти сгинули.

Возможно, молва уже успела донести до вас историю небывалого похода дикарей, которым франко-канадские торговцы в давние времена дали престранное имя *Nez Perce*, то есть Проткнутые Носы. Но даже если вам известна суть дела, я всё-таки рискну рассказать вам об этом ещё раз, по-

скольку мне пришлось увидеть очень многое собственными глазами.

Ранней весной 1877 года я намеревался отправиться в город Стивенсвилль, чтобы провести месяц-другой в обществе Джулианы Тэйлор, которая хоть и доводилась мне кузиной, всё же заставляла трепетать моё сердце не просто по-родственному. Всякий раз, когда её прелестное личико являлось предо мной, я невольно заливался краской несчастного влюблённого, и одному Богу известно, каких трудов мне стоило укрощать вскипавшую во мне страсть. Я был ещё совсем юнцом, когда её образ проник в моё сердце и оставил в нём неизгладимый отпечаток, и это в течение многих лет казалось мне чудом. Мы выросли, изредка встречаясь семьями, но её прекрасные и яркие, как звёзды, глаза никогда не стирались из моей памяти.

Я всеми силами стремился к любимой моей Джулиане, однако затруднения в моих коммерческих делах продержали меня на Востоке до конца весны, и до Стивенсвиля я добрался лишь к середине июля. По дороге я узнал из газет, что индейцы из племени Проткнутых Носов подняли мятеж, покинули территорию своей резервации, расположенной в соседнем штате Айдахо, и уже находились где-то в Монтане.

Во второй половине семидесятых Америка считала, что время индейских войн уже кануло в прошлое. Последняя кампания в штатах Монтана и Вайоминг против Лакотов, которых вожди Неистовая Лошадь и Сидящий Бык подстрека-

ли к неповиновению властям, завершилась, аборигенов поместили в резервацию, и мирные обыватели вполне могли рассчитывать на спокойную жизнь. Сидящий Бык, правда, сумел скрыться в Канаде, но его люди уже не представляли угрозы, наоборот, они сами стремились к спокойствию и всеми способами старались не попадаться на глаза белым.

Тем более ошеломляющим было внезапное решение Проткнутых Носов выйти на военную тропу. Никто и в мыслях не мог допустить, что это дружественное племя, никогда не враждовавшее с европейцами, вдруг возьмётся за оружие.

Но мне, пожалуй, придётся уделить несколько строчек недавнему прошлому, чтобы вы сумели понять подоплёку развернувшихся событий. Дело в том, что в конце пятидесятых годов граница золотодобычи стремительно продвигалась на тихоокеанский северо-запад. При активной поддержке армейских частей, базировавшихся в живописной долине Уалла-Уалла, наступление старателей на земли Проткнутых Носов удалось сдержать на некоторое время. Но правительственные чиновники прекрасно понимали, что затишье наступило не надолго. И уже в начале 1860 года один процветающий калифорнийский делец, торговавший с Проткнутыми Носами, выведal, что аборигены частенько находят на своей земле жёлтый металл.

История эта кажется старой, как мир, и повторялась почти везде, куда ступала нога белого человека. Но дикари не придали особого значения появлению новых пришельцев на

своей территории. Это племя никогда не сталкивалось со старателями прежде и не представляло, что за разработкой золотых жил обязательно последует хорошо известная Америке золотая лихорадка. Аборигены оставались в благодушном настроении, полагая, что старатели вскоре уйдут, доволь накопав и намыв для себя жёлтого металла. Увы, эти несчастные глубоко заблуждались.

Пятью годами раньше, то есть в 1855 году, губернатор Стивенс пригласил индейцев на переговоры, намереваясь склонить туземцев к продаже их обширных земель правительству. После долгих жарких споров свои подписи под соглашением поставили пятьдесят шесть вождей. Однако правительство США не ратифицировало договор вплоть до 1859 года, в результате чего денежные и продовольственные выплаты не поступали до 1860 года, то есть до того момента, когда более десяти тысяч старателей ринулись на земли резервации. Золотоискатели начали не только копать в чужой земле, но и угонять индейский скот. Напряжение нарастало.

В 1863 и 1868 годах были подписаны новые соглашения с Проткнутыми Носами, но они не только не улучшили положения индейцев, но наоборот — резервация была уменьшена в размере. Индейцы были в шоке. Один из вождей, подписавших бумагу, в гневе изорвал копию договора на мелкие куски и демонстративно уничтожил бережно хранимую им до того книгу Нового Завета. Это был знак, что он отказы-

вался следовать по проторенной мирной тропе и не намеревался отдавать любимую им землю. Этот край был священным, там покоились кости предков, насыщая жизненной силой всё племя.

В январе 1876 года генерал Ховард писал: «В связи с тем, что договор 1863 года был подписан незначительной частью племени, территория, о коей ведётся речь, должна считаться владениями Проткнутых Носов. Я считаю, что с нашей стороны было бы недопустимой ошибкой начать какие-либо насильственные действия по отношению к тем родовым группам, которые не признают упомянутый документ и вполне обоснованно не покидают свою землю».

Обстановка продолжала накаляться, и военным властям всё чаще приходилось встречаться с вождями по причине постоянных мелких ссор индейцев с поселенцами, грозивших вылиться в настоящее кровавое столкновение.

В начале июня 1877 года трое юношей из племени Проткнутых Носов застрелили нескольких фермеров, утверждая, что мстили убийцам за смерть своих близких. Реакции последовали самые различные. Вождь Белая Птица собрал свой собственный совет и выступил против всякого проявления враждебности. Однако Две Луны и Большая Заря разъезжали по лагерю и призывали к выступлению, и слова их пали на благодатную почву. Наутро семнадцать молодых индейцев присоединились к трём соплеменникам, уже вкушившим крови Бледнолицых.

Сообщения о страшных нападениях отряда Проткнутых Носов прилетели к генералу Ховарду с невероятной быстротой, и он понял, что придётся оставить всякую надежду на мирное решение вопроса. Мирные граждане, до смерти напуганные кровавыми событиями, требовали от солдат немедленных действий. Никто из граждан нашей огромной страны, и я в их числе, не интересовался подробностями, руководствуясь привычной идеей, что хороший индеец — мёртвый индеец, и проснувшаяся в дикарях злоба служила доказательством этой нехитрой мысли.

Но я постараюсь быть последовательным.

Покуда прислуга занималась багажом, моя обожаемая кузина вышла встретить меня на крыльцо ладного домика, одарила неотразимой улыбкой и провела в комнаты, где седовласая тётушка Энни умиротворённо шевелила вязальными спицами. После восторженных поцелуев и приветствий меня оставили на некоторое время, дабы я мог отдохнуть с дороги и привести себя в порядок. А вечером я с энтузиазмом поверил себя власти очаровательной Джулианы, которая своим милым, почти детским щебетанием в считанные минуты заставила меня позабыть всякое беспокойство, вызванное грозными слухами о боевых действиях дикарей.

Не в моих силах воссоздать портрет этой девушки, потому что внешность её не подвластна перу даже самого гениального из поэтов. Прежде у меня хранился её фотографический портрет, приводивший меня в восторг, но теперь она

из прелестной девочки сделалась поистине обольстительнейшей молодой женщиной, которая могла украсить своим великолепием королевский трон любого государства.

Не скрою, через три дня я не удержался и пылко признался Джулиане в любви, чувствуя жар во всём теле и не зная, куда повернуть лицо во время объяснения. Сердце моё металось, голова кружилась и готова была вовсе перестать меня слушаться. Кузина выслушала меня молча, бросая быстрые взгляды из-под волшебных пушистых ресниц, но по окончании моей страстной речи залилась задорным смехом, что повергло меня в глубочайшее уныние. Конечно, глупо было рассчитывать на что-то, но молодость есть молодость, любовь есть любовь. Разумеется, я не надеялся на то, что девушка бросится мне на шею, обовьёт руками и осыплет поцелуями, но какого-то знака милости я ждал, а за ним таилась и вера в то, что отношения наши могли бы расцвести и превратиться во взаимное чувство.

Должен сказать, что к тому времени я успел привыкнуть к весьма распущенному образу жизни, познал множество шикарных женщин, в большинстве своём из актрис, но моё влечение к белокурой кузине было иным. Ни разу в моих мыслях не возникал её образ в обнажённом виде, я не бредил её женскими формами, хотя понимал, что первый настоящий поцелуй повлёт бы за собой негасимое желание познать тело Джулианы.

Но девушка окатила меня шаловливым смехом и упорх-

нула с крыльца. Похоже, что она не желала видеть во мне никого, кроме старшего двоюродного брата. Я получил отказ, в этом не оставалось сомнений, однако обидеться на Джулиану я не посмел, как бы ни были задеты мои чувства.

В первый же день я заметил одного молодого человека, постоянно заходившего в дом Тэйлоров. Джулиана вела себя в его присутствии подчёркнуто любезно, и от меня не укрылось некоторое смущение в её глазах, едва он приближался к ней. Конечно, это не было основной причиной, по которой юноша мне не понравился, что-то чувствовалось в его характере особенное, тайное, холодное, скользкое. Мало того, я даже был уверен, что молодой этот человек был настоящим негодяем, хотя никаких оснований для такого умозаключения я не имел. Несмотря на многие мои недостатки, я всё-таки не склонен делать скороспелые выводы о людях, но в этой истории я не раз убедился в правильности моего мнения. Его звали Юджин Сэмтон. Не стану вдаваться в подробности, касающиеся его социального положения, потому что это не имеет значения в данном случае. Что же касается его характера, то и моя добродушная тётушка Энни, как и я, не сильно жаловала его, впрочем, не показывала этого.

Именно из-за Юджина Сэмтона случилось всё дальнейшее.

Однажды случай вывел меня вместе с Джулианой и Юджином на прогулку за город. Погода стояла подозрительная, тучки то рассеивались, пропуская сквозь утреннюю дымку

косые солнечные столбы, то вновь стягивались над головой в сплошной серый покров. Кое-кто из местных жителей, с опаской поглядывая на лесные массивы, посоветовал нам не отлучаться слишком далеко — пришли сведения о том, что Проткнутые Носы развязали настоящую войну, что индейцев собралась целая орда, что они успели несколько раз хорошенько схлестнуться с регулярной армией и изрядно потрепали солдат.

— Теперь краснокожие переправились через Горький Корень и уже двигаются в нашу сторону! Я слышал это собственными ушами на телеграфе! — кричал нам вслед художочный старик почтальон.

Гораздо позже, когда я занялся изучением истории войны Проткнутых Носов, мне стали известны подробности схваток индейцев с правительственными войсками.

17 июня произошла первая перестрелка между дикарями и солдатами. Рота капитана Перри остановилась на скалистых уступах, возвышавшихся над Ручьем Белой Птицы, на берегу которого расположился индейский лагерь. Перри был уверен, что индейцы, находясь в глубоком ущелье, нипочём не сумеют обнаружить кавалеристов, однако позже кто-то из его сослуживцев вспоминал, что слышал крик койота неподалёку, настойчиво повторившийся несколько раз подряд. Оказалось, это был сигнал индейских дозорных.

Примерно в три часа ночи солдаты стали готовиться к спуску в ущелье, чтобы провести внезапную атаку, и вско-

ре увидели в мутной синеве шестерых индейцев под белым флагом. Кто-то из дикарей крикнул на ломаном английском: «Что вам, людям, надо от нас?» К ним выехали три солдата, не произнеся ни слова, и один из них выстрелил. Индейцы мгновенно развернулись и скрылись. В ту же секунду со стороны послышался ружейный хлопок, и стрелявший солдат вывалился из седла.

Человек семьдесят Проткнутых Носов распределились по уступам и утёсам, огораживавшим их деревню, и открыли огонь, сразив в ближайшую минуту двенадцать солдат. Испуганные лошади, лишившись своих хозяев, заметались по ущелью, мешая остальным кавалеристам. Тем временем индейцы крадучись продвигались вперёд, некоторые скакали открыто, словно не опасаясь пуль. Гражданские ополченцы, пришедшие с солдатами, бросились бежать, сея вокруг себя панику, и довольно скоро синие ряды солдат разрушились и отступление сделалось общим. Чтобы принудить наиболее стойких вояк оставить свои позиции, Проткнутые Носы погнали на солдат большой табун лошадей, в гуще которого мчалось с полсотни индейцев. Деморализация военных была полная.

Реакция на разгром отряда капитана Перри была активной. В действие пришли все военные части, расквартированные в фортах в радиусе трёхсот миль от места событий. В Калифорнии и Аризоне собирались подразделения для переброски на поле военных действий, даже из залива Сан-Фран-

циско и из далёкой Аляски поспешили артиллеристы. В дополнение к регулярной армии в Орегоне, Вашингтоне и Айдахо формировались добровольческие роты.

11 июля отряд генерал Ховарда, состоявший из четырёхсот солдат и сотни скаутов, ополченцев и обозной obsługi, навязал Проткнутым Носам бой на берегу реки Чистая Вода. Индейцы рассыпались между скалами и деревьями, подбираясь всё ближе и ближе к солдатам и вынудили их занять оборону. В первый день битвы не произошло особых изменений. Но на следующее утро Ховарду удалось кавалерийской атакой потеснить индейцев, а к полудню подоспел резерв Джексона и волонтёры Мак-Конвиля. В течение нескольких минут индейцы ожесточенно отбивались на своих баррикадах, но всё-таки их ряды дрогнули, и сию же минуту их стали теснить по всему фронту всеми возможными силами: артиллерией, пехотой и кавалерией. Движение сделалось всеобщим. Солдат остановила река, которую они сочли чересчур глубокой и стремительной, чтобы переходить её вброд. Эта задержка дала Проткнутым Носам возможность ускользнуть. Племя прошло вниз по реке и стало лагерем в безопасном месте. Оценив обстановку, Ховард разрешил своим людям сделать привал возле бывшего индейского стойбища, сплошь изрытого снарядами.

Прежде чем двинуться в дальнейший путь, вожди назначили пятерых воинов в арьергард, и предосторожность не оказалась излишней, так как Ховард послал в погоню май-

ора Эдвина Мэйсона с сильным отрядом кавалерии. Отряд Мэйсона напоролся на засаду 17 июля и повернул обратно. Несколько Проткнутых Носов тайно последовали за военными и сумели похитить из лагеря солдат сотни лошадей. Ховард лишний раз убедился в том, что с дикарями нельзя обходиться полумерами. Ничто, кроме полноценного удара, не могло заставить вождей покориться.

Индейцы тем временем предприняли рискованный переход через горную гряду по Тропе Лоло и оказались на территории штата Монтана. Их появление в Монтане было воспринято очень многими людьми как настоящее военное вторжение. Газеты не переставали публиковать подробную информацию о восстании «кровожадных краснокожих» с самого первого дня. Когда же пришли сведения о том, что индейцы двинулись по Тропе Лоло в сторону долины Горького Корня, слышались не на шутку встревоженные голоса.

27 июля Проткнутых Носов встретил капитан Роун и вступил с дикарями в переговоры. Отряд Роуна был слишком малочислен, и индейцы прекрасно понимали, что капитан не сможет остановить их. Тем не менее они решили не вступать в бой. Пока шли переговоры, разведчики отыскиали узкую тропку, ведущую через горные уступы в долину Горького Корня. Теперь Проткнутые Носы находились, возможно, совсем близко от Стивенсвиля, и горожане были в полной уверенности, что в сторону их города катила лавина варваров.

Мы с Джулианой вспоминали о кровожадных дикарях ежедневно, но так уж устроен человек, что даже самые страшные слухи в недолгое время становятся привычными и перестают пугать. Моя настороженность успела почти полностью рассеяться в обществе очаровательной кухни, полностью вытесненная любовью.

Когда наша коляска остановилась, Юджин, прекрасно ладивший с лошадьми, распряг их и пустил пастись. Невольно я запротестовал, вероятно испытывая подсознательное беспокойство, но Джулиана подняла меня на смех, и я смолк. Она относилась к тем натурам, которые вообще не умеют держать в голове тревожные мысли, стараясь изгнать их немедленно и предаться приятным беседам.

Дальше всё произошло, как в приключенческом романе. Мы едва успели расположиться на расстеленных одеялах, чтобы полакомиться кусочками прихваченного яблочного пирога и цыплёнком в ореховом соусе, как в конце долины, за которым в голубой дымке поднимался горный массив, замаячили всадники. Их было много, ехали они спокойно. Когда же они приблизились настолько, что стали различимы характерные черты их туалета, Юджин громко и отвратительно выругался и бросился к лошадям, наступив кожаными сапогами на тарелку с пирогом.

— Индейцы! — выдохнула Джулиана испуганно, хотя всего пять минут назад горячо убеждала меня, что ничего не боится и что никто из дикарей никогда не осмелится под-

нять на неё руку. Мне и прежде приходилось встречать женщин, которые считали, что их красота способна обезоружить самого отъявленного преступника и оградить от опасности. Увы, я повидал в жизни людей, не способных не только преклоняться перед красотой женщины, но и вообще не имевших понятия о красоте. Таким человекоподобным тварям всё едино: что младенец, что старик, что гремучая змея, что соблазнительная женщина...

Я кинулся к Юджину с желанием помочь ему с упряжкой, но в ужасе увидел, что молодой человек не собирался запрягать лошадей в коляску. Он уже сидел верхом и, будучи замечательным наездником, без седла помчался в сторону города. Милое личико моей кузины потеряло присущую ему краску жизни и стало мёртвого оттенка. Я залез в коляску, судорожно шаря руками под сиденьем, но не обнаружил там никакого оружия, один лишь завязанный в узел кнут. Тем временем индейцы приближались. Это была моя первая в жизни встреча с настоящими дикарями, и ничего доброго я от неё не ждал. Я вернулся к Джулиане и крепко прижал её к груди, слыша громкий стук её сердечка. Так колотится перепуганное тельце пойманного голубочка, когда сжимаешь его в руках... За что судьба не позволила нам вот так прильнуть друг к другу при других обстоятельствах и насладиться любовной негой?.. Мы стояли, обнявшись, взирая на совсем уже близких всадников, предчувствуя скорую расправу и внутренне моля Господа о пощаде.

Индейцы подъехали вплотную. Они носили ярко расшитые экзотические наряды, кое-кто украсил голову шляпой, другие прицепили к затылку перо. Длинные волосы всадников стекали густой копной на спину, а у некоторых были сплетены у висков в тонкие тугие косы. Все ехали с ружьями в руках. Позади первых всадников виднелся огромный табун лошадей, индейские повозки без колёс и вереница людей без оружия — женщины, старики, дети. Все были верхами. Слышался спокойный говор, тявканье собак и топот копыт.

Человек десять индейцев окружили нас, и я увидел прямо надо мной чёрные глаза одного из них. Смоляные волосы его были высоко зачёсаны над лбом, а косы с вплетёнными в них меховыми полосками падали на грудь.

— Оллокот, — произнёс он, коснувшись ладонью своей широкой груди, и на лице его появилась откровенная жалость, замешанная на презрении, когда он увидел мой страх.

Рысью подскакали несколько всадников, они что-то быстро говорили, активно жестикулируя. Затем среди них появился ещё один, внимательно посмотрел на меня и Джулиану и покачал головой. В его ушах висели большие серьги, сделанные из речных раковин, а на груди, поверх европейской рубашки и чёрной жилетки, болталось несколько рядов цветных бус. Он заговорил с нами на своём языке, и соседний всадник стал переводить, слегка коверкая слова:

— Вам нечего бояться. Мы не причиним зла. Мы никого не желаем убивать. Мы оставили войну по ту сторону горно-

го хребта. Солдаты хотели драться с нами, но мы не желаем ничьей смерти. Нам нужно только свободно пройти дальше. Вы проводите нас до своих домов, и мы купим у вас то, что нам нужно...

— Кто он? — выдавил я, обращаясь к переводчику, немного успокоившись.

— Он один из наших вождей. Его зовут Жозеф. Так его назвал священник Спалдинг, когда он был ребёнком.

Жозеф велел своим воинам запрячь нашу коляску, и они даже выделили нам свою лошадь из табуна. Вскоре мы двинулись в путь. Вождь Жозеф ехал рядом с нами. Мы с Джулианой успели оправиться от первого шока, но ещё не до конца овладели своими чувствами. Я, к примеру, ясно слышал, как у меня в горле прыгал холодный комок и мешал мне нормально разговаривать. Волнение оставалось, не растворялось, несмотря на явное дружелюбие туземцев. Очевидно, слишком глубоко в подсознании сидело издавна вживлённое чувство страха перед необузданностью индейцев, их коварством и жаждой крови. Но мы ехали среди них, и никто не посягал на наши честь и жизнь. Никто не прыгал вокруг нас со страшными ножами для оскальпирования. Мне казалось, что я попал в ожившую поэму Лонгфелло, где властвовали легендарные Маниту и Гайавата, где переливались буйные краски узоров, били барабаны, танцевали сказочные фигуры с перьями в волосах и боевыми топорами в руках. Впрочем, ярких узоров на костюмах Проткнутых Носов хватало с лих-

вой, не хватало лишь таинственных телодвижений ритуальной пляски, но на самом деле меня совершенно не тянуло увидеть их обряды. Мне с избытком хватало того, что уже было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.